

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**ТЕЛЬНЯШКА -
НАШ БРОНЕЖИЛЕТ**

Сергей Зверев

Тельняшка – наш бронезилет

«ЭКСМО»

2010

Зверев С. И.

Тельняшка – наш бронезилет / С. И. Зверев — «Эксмо», 2010

«Мировая сенсация! Российское правительство продает радиоактивные материалы Сомали! Мир на грани ядерной катастрофы!» Такими заголовками разразились крупнейшие мировые СМИ, когда до них дошел слух, что на российском сухогрузе «Михаил Шолохов» перевозится запрещенный груз. Но проверить информацию пока невозможно: само судно стоит на вынужденной стоянке у берегов Сомали, а его команда не выходит на связь. При этом высадившийся на «Шолохов» отряд морской пехоты оказывается полностью уничтоженным. Кто напал? Пираты? Иностранные спецслужбы? Чтобы выяснить это, Россия направляет на судно группу спецназовцев-десантников под командованием капитана Лаврова – знаменитого Батяни...

© Зверев С. И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	15
5	21
6	25
7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Тельняшка – наш бронезилет

*События, описанные автором в романе, являются вымыслом.
Совпадения с реальными событиями – случайность.*

«На географической карте мира Аденский залив – это узкая полоска голубого цвета, расположенная между треугольником Африканского Рога и нависшим над ним Аравийским полуостровом. В реальности этот залив – один из самых оживленных морских путей. Через него проходят маршруты пассажирских лайнеров, танкеров, груженых нефтью и нефтепродуктами, сухогрузов с разнообразным сырьем, больших и малых контейнеровозов. Но в последние годы судоходство в этом районе стало весьма небезопасным занятием: в разоренном войной Сомали пиратство – это теперь единственная возможность для местных жителей выбраться из нищеты. Ежедневно, чуть ли не ежедневно, информационные агентства сообщают о все новых захватах не только контейнеровозов, сухогрузов, танкеров, но и скромных научно-исследовательских судов, и роскошных прогулочных яхт. Мировое сообщество все серьезнее задумывается над вопросами безопасности судоходства в Аденском заливе. Многие государства для борьбы с пиратством прислали в эти воды свои военные корабли, но пока существенных результатов мало. Нападения пиратов на торговые суда продолжаются, и их поведение становится все более наглым. Судовладельцам, как и раньше, приходится выкупать у бандитов свои корабли».

Из газетных публикаций

1

16 сентября 2009 года. 2 часа ночи

Купол ночного неба над волнующейся поверхностью моря усеян звездной россыпью. Луны не видно и потому кажется, что моря нет, а под ногами – ежели ты находишься в лодке или на корабле – черная зыбучая бездна. И еще почему-то кажется, что звезды совсем близко – поднимись немного над зыбучей бездной и достанешь самую яркую из них – Полярную звезду из всем известного созвездия Малой Медведицы.

По расположению созвездий, по Большой Медведице у самого горизонта бывалый моряк без труда мог бы определить, что находится он в тропических широтах – сейчас Полярная звезда, как всегда, горела ярче всех звезд и поэтому казалось, что она ближе, чем другие звезды.

Тишина. Жаркий влажный ветер лениво гнал к берегу невысокие, невидимые в темноте волны.

Внезапно в набухшей тишиной темноте послышался непонятный шум. В том месте, откуда раздался этот шум, вода забурилась. Из вспененной воды вынырнула стометровая подводная лодка – сначала высокая рубка, а затем гладкий корпус.словно черный огромный кит, она вынырнула из черной бездны, казавшейся до этого момента мертвой.

Лодка полностью показалась на поверхности океана. Силуэт громадной рубки просматривался лишь с расстояния пары кабельтовых. Корпус же субмарины растворился в темноте –

он был обшит листами специального материала, который поглощал звук двигателя, что делало лодку невидимой для радарных систем противника.

На палубной надстройке появились мужчины в камуфляжной форме. У каждого из них в руках был короткоствольный автомат с глушителем. Ремни стягивали коренастые мускулистые тела. Переговаривались люди шепотом.

На корпусе подлодки появился десантный плотик, и тут же зашипел сжатый в баллоне воздух.

Деловито и быстро мужчины в камуфляжной форме спустили плотик на воду. На колышающийся на волнах плотик военные перебрались быстро и молча – по всему было видно, что эти действия ими давно отработаны до мелочей. Усевшись на плот, они тут же стали грести в сторону далекого берега.

Офицер-морпех с загорелым обветренным лицом сказал шепотом:

– По последним данным, которые мною были получены от командира подлодки, сухогруз, вероятнее всего, захвачен пиратами. Не исключено, что пираты будут прикрываться заложниками – в этом заключается вся сложность задания. Наша задача: незаметно подняться на борт сухогруза, ликвидировать пиратов и освободить заложников. Действуем, как и договорились ранее, тремя группами – по трое в каждой. На связь раньше времени не выходить, соблюдать радиомолчание. Старшина Петров остается на плотике.

Таинственная субмарина снова ушла под воду – будто растворилась в темноте, и только поднявшиеся высокие волны, раскачавшие плотик, свидетельствовали о том, что это был не мираж.

Вскоре плотик с морскими десантниками приблизился к замершему на банке сухогрузу – черной громадине, на которой не было ни сигнальных огней, ни государственного флага, ни вымпела, ни какого другого принятого в нейтральных водах обозначения. В темноте надписи на бортах сухогруза не было видно, но днем те, кто проплывал мимо сухогруза, могли различить на его борту белые большие буквы: МИХАИЛ ШОЛОХОВ. Ниже, под названием судна, был обозначен порт приписки – Калининград. Этот сухогруз был одним из многоцелевых сухогрузов 5700 ДВТ.

Бесшумно десантный плотик приблизился к сухогрузу вплотную. Морпехи пришвартовались к массивной якорной цепи, отвесно уходящей в черную воду. На какое-то мгновение морпехи замерли – каждый силился услышать хоть какой-то звук.

На сухогрузе было тихо. Бортовые иллюминаторы были задраены. Создавалось впечатление, что ни на палубе, ни в огромной утробе сухогруза, ни в трехэтажной надпалубной надстройке не было ни единой живой души. Еле слышно плескались о борт невидимые волны.

Командир группы уже готов был отдать приказ на подъем на судно, но неожиданно там, вверху, послышались шаркающие шаги и невнятные выкрики. Что кричали вначале, понять было невозможно, но вскоре выкрики стали более отчетливыми.

– Коз-злы! Ур-роды! – по-русски прохрипел кто-то прямо над головами морских пехотинцев – где-то в районе ходовой рубки.

– Ур-роды, мать вашу! – вслед за этими словами зазвучала отборная матерная ругань. Эти крики прервали два громких хлопка, похожих на выстрелы из пистолета с глушителем. Наверху, на сухогрузе, просвистели пули, цокнули о металл.

Рефлекторно люди на плотике тут же схватились за автоматы.

Но тишина снова окутала сухогруз.

Командир молча рукой показал старшине Петрову оставаться на плотике, а остальным кивнул на черные звенья огромной толстой цепи. По одному морпехи стали подниматься по цепи на борт корабля.

Прошло пять минут. Тишина, нарушаемая еле слышным всхлипыванием волн, все более и более наполняла душу Петрова непонятной тревогой. Сейчас для него было бы гораздо спокойнее услышать наверху звуки борьбы и выстрелы. Но там, наверху, царила гробовая тишина.

Петрова мучило недоброе предчувствие надвигающейся беды. Не раз и не два приходилось ему попадать в подобные переделки, но такого тревожного чувства, как сегодня, он еще никогда не испытывал. Почему-то ни с того ни с сего ему вспомнилось, как бывалые офицеры рассказывали о похожих предчувствиях, которые, как правило, предшествовали трагедии. Говорят, чаще всего подобные предчувствия посещали бойцов перед атакой. Бывало, что в такие минуты человек начинает плакать. Тоска, жестокая и непонятная тоска охватывает душу бойца в эти минуты.

Почему так тихо?..

Что это были за крики? Что произошло и происходит сейчас там, на сухогрузе?

Не выдержав, старшина Петров щелкнул тумблером портативной рации и, поднеся ко рту микрофон, негромко произнес:

– Первый! Я Второй! Первый, отвечайте...

Но первый молчал.

Петров поднял голову, силясь рассмотреть хоть какое-то движение на борту нависающего над его головой сухогруза, куда только что поднялись его друзья.

Последнее, что увидел старшина, была стрела-болт, выпущенная сверху из бесшумного арбалета, которая вонзилась ему прямо в горло как раз туда, где бронезилет не защищал его молодое тело...

Молча старшина упал с плотика в воду.

Какое-то время его тело, удерживаемое на воде пробковым жилетом, покачивалось на волнах возле плотика. Затем ленивые, безразличные к судьбе человека волны стали медленно относить его в сторону берега – все дальше и дальше от корабля. После падения мертвого тела Петрова в воду ничто больше не нарушало ночной тишины Аденского залива.

2

16 сентября 2009 года. 10 часов утра

Москва. Смоленская площадь. Здание МИДа. С восьмого этажа этого здания открывается унылый вид на площадь, запруженную машинами и людьми. Когда наблюдаешь отсюда, с высоты, за людьми, снующими по площади, вечно озабоченными, не обращающими никакого внимания на окружающих, – они кажутся какими-то ненастоящими, игрушечными. Это ощущение нереальности той жизни за окнами усиливалось еще и тем, что сюда, на восьмой этаж, в уютные кабинеты, не проникали никакие звуки с улицы.

В одном из кабинетов все того же восьмого этажа находились трое: хозяин кабинета Сорокин Илья Петрович и двое его гостей.

Илья Петрович был человеком пожилого возраста, имел редкие волосы и большие залысины, широкий мясистый нос, круглые старомодные очки, одет он был не по моде чиновника – без галстука, в легкой светлой рубашке с короткими рукавами. И было даже странно, как этот человек очутился здесь – в строгом солидном заведении, куда люди приходят на работу в одинаково сшитых костюмах, при обязательных галстуках и в одинаковых рубашках...

Глядя на полноватое, обрюзгшее лицо Ильи Петровича, даже как-то и не верилось, что когда-то он был стройным симпатягой, работавшим в основном за границей то под прикрытием посольства, то представителем торгпредства, а то и в качестве спецкорреспондента центральной московской газеты. В свое время, как писатель и журналист, Сорокин даже издал книгу о нравах и обычаях в странах, где ему удалось побывать. В этой увлекательной книге он писал о львах и тиграх, о громадных анакондах, которые могут запросто проглотить оленка или дикого кабана, он красочно описывал дикие джунгли, в которых живут последние представители диких племен, по-настоящему так и не познавших благ цивилизации. Книга Сорокина пользовалась огромной популярностью у читателей. Читая ее, люди представляли автора отважным путешественником, любителем дикой природы, рискующим своей жизнью ради одной цели – познакомить людей с неизведанными странами и народами, их населяющими.

И никто из них даже и не догадывался, какие аферы в свое время проворачивал Илья Петрович.

Много лет назад за границей на одном из приемов торгпредства Сорокин случайно толкнул жену премьер-министра той страны, в которой он тогда работал. Извинившись перед дамой, он тут же представился и с улыбкой, глядя ей в глаза, рассказал пару русских анекдотов. Один анекдот был о неуклюжих русских чекистах, пытающихся выведать военные секреты у прекрасных дам, а другой – типичный анекдот о еврейской жизни, о вечно неунывающих Саре и Абраме...

Пожилая жена премьер-министра весело, от всей души посмеялась и потом, вернувшись с мужем домой, еще долго вспоминала этого вежливого симпатичного работника торгпредства – его ненавязчивую улыбку, его деликатность...

Вскоре после этого, во время дружественного визита этой дамы и ее мужа в Москву, она случайно встретила Сорокина в вестибюле «Метрополя», где, как оказалось, этот весельчак и балагур снимал номер. Теперь они встретились как старые знакомые...

Сорокин буквально обворожил пожилую даму своей галантностью. Пока премьер-министр познавал красоты Кавказа и Самарканда, его жена также не скучала. Сидя в ресторане и ловя на себе восхищенные взгляды Сорокина, она и сама не заметила, как влюбилась в этого веселого русского.

Не зря говорят: любовь зла, полюбишь и козла...

Сорокин не был козлом, а жена премьер-министра, как и всякая жена чиновника высокого ранга, была одинока, и теперь, очутившись за пределами своей страны, избавленная от преследования вездесущих папарацци, освободившись от пристального внимания охранников, ощутив себя снова молодой и свободной, она потеряла голову...

Была ночь, был полумрак в уютном метрополевском номере, было легкое шипучее шампанское, были тихие нежные признания в любви, которых так не хватает в обыденной жизни, где из года в год все одно и то же: светские приемы, посещения театров, замкнутый круг знакомых, из которого жене премьер-министра вырваться невозможно, да еще – холодный, безразличный к ее тревогам муж, вечно занятый заседаниями, светскими приемами и зарубежными командировками... Были обнаженные тела на белых простынях, были страстные объятия.

Все было таким ярким и запоминающимся, как никогда еще не было в жизни жены премьер-министра.

Потом, счастливая и веселая, она уехала домой, унося в душе образ своего любовника – страстного симпатяги Ильи, Ильюшеньки, как она его называла перед прощанием.

А через пару месяцев жене премьер-министра вручили конверт с фотографиями, на которых была запечатлена она в объятиях своего Ильюшеньки. Женщина сразу все поняла – кем на самом деле был ее молодой русский любовник. Все...

Остальное, как говорили коллеги Ильи Петровича, было делом техники – более десяти лет после этого жена премьер-министра поставляла КГБ нужную информацию. Но это уже Сорокина не касалось – он в эти годы мотался по другим странам, выполняя другие задания.

Сейчас Сорокин, как сам шутил, готовился идти на побывку. Но, хотя он и шутил о пенсии, взгляд его умных глаз говорил об ином. В организации, где он служил, как известно, бывших не бывает...

Один из гостей Сорокина был гораздо моложе его. Одет он был в строгий элегантный костюм темного цвета, в один из тех костюмов, которые шьются по спецзаказу в спецателье и которые обычно носят чиновники высокого ранга. Его неяркий языкастый галстук, подобранный под цвет шелковой серой рубашки, его неброские, но явно дорогие запонки, поблескивающие на рукавах рубашки, его аккуратная короткая прическа, его неторопливые жесты – все это указывало на то, что их обладатель был персоной значимой. Посторонний наблюдатель, глядя на его почти юношеское, гладко выбритое лицо, мог только дивиться тому, как человек в столь молодые годы мог взобраться на такую высокую ступень карьерной лестницы.

Но дивиться тут было нечему – в последнее время, стремясь избавиться от вездесущей коррупции, раковой опухолью разъедающей не только властные структуры, но и всю страну, администрация набирала молодые кадры, которые не были бы отягощены ни старыми связями, ни старыми привычками, а были заняты только работой и рады тем грандиозным перспективам, что открывались им в новые послеперестроечные времена...

Третьим человеком в кабинете Сорокина был контр-адмирал Прохоров. Черный китель с золотыми погонами, штаны с генеральскими лампасами – все на нем сидело как влитое; у него были четкие, резкие черты лица и седые коротко остриженные волосы, которые, как ни странно, не старили Прохорова, а наоборот – молодили...

Троица сидела не за рабочим столом, а за небольшим круглым и низким столиком из красного дерева, стоявшим возле окна. Большое окно открывало вид на площадь. Однако если кто-нибудь из здания напротив надумал бы рассмотреть, что происходит внутри кабинета, то он вряд ли бы что-нибудь увидел – пуленепробиваемое спецстекло, изготовленное по секретной нанотехнологии, называемой в среде специалистов «я тебя вижу и слышу, а ты меня – нет», полностью скрывало не только от любопытствующего постороннего взгляда, но и от электромагнитных волн различной частоты все, что происходило в кабинете.

Большой рабочий стол был практически пуст, на нем стоял только огромный жидкокристаллический монитор и лежали пара папок с корреспонденцией, да еще недалеко от монитора

находилась квадратная коробка – связь. За высоким массивным стулом хозяина кабинета на ровной серой стене висел портрет президента в продолговатой рамочке. С него на присутствующих в кабинете взирал еще молодой мужчина с мягкой, добродушной полуулыбкой.

Тот факт, что хозяин кабинета усадил гостей не за рабочим столом, а за низким круглым столиком из красного дерева, стоящим недалеко от рабочего стола, свидетельствовал о важности разговора. Рядом со столиком на стене висела карта. Недалеко от нее находилась потайная дверь в кабинет помощника. Карту от посторонних глаз скрывала аккуратная, под цвет стены штора. Возле круглого низкого столика стояли уютные кожаные кресла – в них и сидели беседующие.

То, что хозяин кабинета вел разговор с гостями не за рабочим столом, свидетельствовало не только о важности разговора, но и о том, что его посетители по рангу ничуть не ниже его.

Как ни странно, но вел беседу не хозяин кабинета, а молодой человек в штатском.

– Итак, Алексеевич, – обращение было адресовано контр-адмиралу, – обрисуйте ситуацию. Что все-таки у нас происходит? Сами понимаете, к кому попала на контроль данная ситуация. Так что мне в скорости придется ответ держать, – при этих словах молодой человек кивнул головой в сторону портрета на стене.

Будто по команде, его собеседники посмотрели на портрет на стене. И им вдруг показалось, что умный взгляд человека на портрете изменился – стал жестким и колючим, а полуулыбка на его полноватых добродушных губах исчезла, им показалось, что этот человек мог вот-вот появиться в кабинете и тихо, но жестко произнести: «Отвечать придется. Никуда не денетесь. Контроль есть контроль, он каждого касается. Так что, дорогие мои, готовьтесь к разбору полетов».

Военный помолчал. Затем, кашлянув в кулак, стал говорить. И по тому, как он говорил, можно было догадаться, что все они, находящиеся сейчас в кабинете, знают друг друга давным-давно, что всех их связывает что-то общее: то ли дружба, то ли работа...

Как и большинство чиновников, они знали возможности друг друга, знали, кто под кем и над кем ходит, и потому жестко выполняли основной закон службы: не зарываться и не терять связи со своими собратьями, ибо чиновничество при любой власти – вечно, а высокое начальство – временно, ибо власть может менять название, а сущность чиновника неизменна...

– Викторovich, – сказанное контр-адмиралом звучало взвешенно и спокойно, – сухогруз «Михаил Шолохов» изначально приписан в Калининградском порту, принадлежит российско-немецкому судоператору и находится в долгом фрахте ¹.

Из Калининграда «Шолохов» отправился в Амстердам. По официальным данным, судно в Калининграде было загружено лесом, в Роттердаме произведена дозагрузка. Что за груз был принят на борт – неясно. Офис фирмы, которой принадлежал груз, внезапно сгорел. Хозяин груза – бывший российский гражданин – исчез. По линии Интерпола мы объявили розыск хозяина груза, но результатов пока нет. Фирма была создана, по нашему мнению, именно под эту загадочную дозагрузку – типичная однодневка. Копии судовых деклараций исчезли. Вскоре «Шолохов» встал на стоянку у берегов Сомали. Сломался дизель-генератор. Поломка серьезная. Даже простая нехватка электричества приводит к частичному, а то и полному отключению электросистем, обеспечивающих нормальную работу холодильных камер. Если на сухогрузе в контейнерах находится так называемый скоропорт и вдруг отключатся холодильные установки, то сами понимаете, к чему это может привести...

Последнюю информацию мы получили от капитана судна. Потом связь неожиданно прервалась. Проходящие российские суда пытались связаться с земляками, но безуспешно. Сейчас судно стоит на банке с заглушенными двигателями. Признаков жизнедеятельности на нем

¹ Долгий фрахт – перевозка различных грузов из одного международного порта в другой. Также долгим фрахтом называется перевозка международных грузов, осуществленная автомобилями и самолетами.

не обнаружено. Сухогрузом, естественно, заинтересовались международные силы по обеспечению безопасности судоходства. Фактически «Шолохов» превратился в летучий голландец. Мы послали запрос в порт приписки. Информация оттуда ушла в Минторговли, а оттуда – сюда. – Контр-адмирал кивнул головой на Сорокина. Помолчав, Прохоров добавил: – По нашему мнению, это дело пиратов. Вчера ночью мы отправили на судно группу захвата. Но, – контр-адмирал развел руками, – операция провалилась. Сейчас выясняем причины. Операция была просчитана до мелочей. Проблема усугубляется тем, что вблизи судна нет наших кораблей обеспечения. Единственное, что нам доступно, – это спутниковый мониторинг. И он показывает, что на судне никого нет.

Военный замолчал.

– Какие у вас соображения по этому поводу? – обратился молодой человек к хозяину кабинета. Судя по всему, здесь он чувствовал себя главным.

– Думаю, – отвечал Илья Петрович, – что вышеозначенные контр-адмиралом события не похожи на деятельность пиратов. Возможно, последними пользуются как прикрытием для совсем иных целей. Как правило, пираты себя так не ведут. Их практика и тактика – вооруженный захват, за которым тут же следует требование выкупа за заложников и груз. Затем следуют угрозы затопить судно и убить заложников. В большинстве своем торговые суда принадлежат частным компаниям. Застрахованы фрахты в частных страховых компаниях. По этой причине государство как таковое к освобождению кораблей отношения не имеет. К тому же нападения пиратов на корабли происходят в международных водах. Силовая операция в данных случаях – это большой риск. Хорошо если на судне находится лес. А если нефтепродукты? Кому нужны экологические катастрофы мирового значения? Да и рисковать жизнями мирных, ни в чем не повинных людей никому не хочется. Пираты этим пользуются. Вообще фантастика какая-то, утопия – двадцать первый век, а пиратство, как в семнадцатом веке... Дикость несусветная! Цивилизация будто по кругу ходит.

– Не будем обсуждать судьбы цивилизации, – деликатно оборвал Илью Петровича молодой человек. – Скажу следующее. Не хотелось бы с вами делиться информацией, но придется. По нашей, пока закрытой информации, груз, находящийся на «Шолохове» и загруженный в Роттердаме, не совсем обычный... Дело пахнет международным скандалом. А тут еще одна радость на наши головы свалилась. В районе Африканского Рога формируется мощный циклон, вызванный муссонными ветрами. Вероятнее всего, он захватит и «Шолохов». Судно будет или выброшено на берег, или унесено в море. А оно, заметьте, неисправно. При том что груз, который на нем находится, крайне и крайне опасен... Счет идет на сутки. Нужно срочно принимать решение.

В кабинете воцарилось молчание.

И снова, так уж получилось, беседующие взглянули на портрет – теперь с надеждой, как на избавление от всех надвигающихся трагедий. И опять, как показалось присутствующим, глаза человека, внимательно смотревшего на них, изменились. А его полные губы стали вдруг сжатыми и узкими, какими они бывают у людей злых и мстительных...

Им казалось, что человек на портрете хотел сказать: «Думайте, думайте – и принимайте решение. Здесь дело государственной важности, нечего фантазировать и рассуждать о судьбах цивилизации. Без вас для этого умники найдутся. По телевизору в телешоу каждый день трещат до головной боли...»

– Что вы предлагаете, Алексеевич? Посылать еще одну группу захвата? – снова обратился молодой человек к контр-адмиралу.

Прохоров закивал головой:

– Вряд ли успеем. Подлодка ушла на боевое дежурство. Да и есть ли смысл рисковать моряками, если мы не знаем ситуацию на судне? Где гарантия, что все снова не пойдет кувыркком. Но, и это главное, как быстро мы сможем доставить туда людей?

Все замолчали. Молчал и Илья Петрович. Он напряженно думал о том, как можно достойно и с честью выйти из сложной ситуации. Но так и не смог придумать ничего дельного.

Наконец представитель администрации медленно и взвешенно заговорил. И по тому, как он говорил, его собеседникам стало ясно: сказанное было припасено им заранее, это была его домашняя заготовка. И затеял он весь этот разговор лишь с целью выяснить, есть ли иные, более подходящие и лучшие способы выхода из сложной ситуации:

– Есть мнение о решении данной проблемы...

3

16 сентября 2009 года. 10 часов 30 минут

Ночью с моря на побережье дул мягкий ветер, накатывая на берег небольшие волны. Набегая на песок, волны с шипением пенились, а затем отступали, оставляя после себя влажные пятна на сером песке.

За песчаной прибрежной полосой среди пожелтевшей вытоптанной травы высились пальмы – какие-то слишком уж тоскливые и беспомощные на фоне голубого моря и белого песка. Между пальмами кое-где зеленели кусты.

За пальмами, дальше от берега, высились невысокие строения: ветхие одноэтажные домики, которые могли спасти от муссонного влажного ветра, от дождей, жестких и порывистых, от жаркого слепящего солнца, но не более. На эти жалкие нищенские лачуги нельзя было взглянуть без слез.

Среди строений бродили куры, деловито разгребая лапами сухую землю и поклевывая что-то в ней. Не обращая внимания на кур, лениво опустив хвосты, бродили собаки. Чуть в стороне от деревни паслись козы. Чернокожие дети играли в футбол.

Все это в прибрежном поселке жило какой-то своей отрешенной от цивилизации жизнью, где не было гудящих машин, где время текло медленно-медленно... Единственное, что напоминало здесь о цивилизации, это были белеющие здания в центре поселка: полицейского участка, школы, почтового отделения, администрации. И еще, что напоминало здесь о цивилизованном мире, о том, что на дворе двадцать первый век, – это красовавшийся в центре поселка, непонятно откуда взявшийся и непонятно для чего выставленный фанерный рекламный щит: белокожая красавица Барби гордо держала в руке красную бутылку пепси-колы. Кому она показывала эту пепси-колу? Курам, козам, собакам? Или худым, высохшим за долгие годы беззубым старухам, смотревшим безразличным взглядом на тех же кур, коз и тощих собак? Да и на фанерный рекламный щит они давно уже взирали безучастными взглядами людей, все испытавших в своей жизни.

На морском берегу с криками бегали почти обнаженные дети. Они совмещали игры с делом – поиском предметов, которые приносило море. Каждое утро ребяг бежала на берег, надеясь найти нечто сказочное.

Дети везде одинаковые, везде они живут своей отличной от жизни взрослых жизнью, для них нет ни богатства, ни бедности. И эти сомалийские сорванцы весело гонялись друг за другом, плескались в мягкой соленой воде и, если бы не постоянное чувство голода, они вообще были бы самыми счастливыми людьми в мире.

Среди них, как и всегда среди детей, ходили разные слухи и легенды – к примеру, о необычных драгоценных находках, которые приносило море. Говорили, что однажды на берег вынесло черный ящик. И один мальчик нашел его. Раскрыв тот деревянный сундук, он увидел золотые сверкающие монеты. Монет было столько, что семья пацана бросила свое жилище и уехала в Мogaдишо, где есть асфальтированные дороги и многоэтажные каменные дома, где много быстрых и дорогих машин. Говорят, что в тех каменных домах в окна вставлены какие-то ящики и с тех ящиков веет в комнату холодом, как во время муссонных дождей.

И каждый из детей, роясь в прибрежном песке, надеялся найти хоть одну из тех желтых монет – частицу несбыточного счастья, которое когда-то должно было появиться в их жизни.

Но не было монет; попадались банки из-под пива, попадались пластмассовые бутылки, выносило на берег черные диковинные коряги, пропитанные едким и сладким запахом йода, различный мусор, сброшенный в море с проходящих мимо судов.

Рядом с плескавшимися в воде детьми трудились рыбаки, недавно вернувшиеся из очередного рейса. Одни из них натягивали на шесты для просушки сети, другие – конопатили лодки. А те, кто не имел лодок, стоя по пояс в воде, раз за разом забрасывали в море небольшие, но широкие сети. Чем-то они напоминали ковбоев, бросающих лассо на головы животных. Сеть вытягивалась и снова забрасывалась. Пойманная рыба опускалась в мешок, прикрепленный к поясу рыбака. Казалось бы, от частых бросков не должно быть толку, но ловилась рыбка большая и маленькая...

Заплыв дальше других детей в море, один из мальчиков, Ахмед, увидел вдалеке что-то черное, покачивающееся на волнах.

Сначала он подумал, что это почерневший ствол пальмы. Но присмотревшись, Ахмед понял, что это человек в диковинной черной форме. На крик Ахмеда тут же прибежали дети. Подошли и взрослые рыбаки, бросив свои дела.

Тот же Ахмед, как самый быстрый и отчаянный, поплыл к лежащему на воде человеку. С ужасом дети смотрели, как он, загребая воду одной рукой, вцепившись в рукав незнакомца другой, медленно возвращался с ним к берегу. Сейчас они обо всем забыли – даже о том, что в любой момент в море может появиться грозный серповидный акулий плавник...

На берегу люди перевернули тело. И здесь новая неожиданность ждала их: лицо человека было белым, песчано-белым...

С криком все тот же вездесущий кучерявый Ахмед стремглав понесся в сторону поселка.

Люди молча окружили незнакомца. Полностью на песок они его не вытащили. Он так и лежал – наполовину на песке, наполовину в воде. Слабые волны неторопливо, ритмично облизывали его черную форму. Незнакомый белый человек глядел в безоблачное голубое небо остекленевшим взглядом. Казалось, что он просто о чем-то задумался.

Дети глядели на незнакомца с ужасом и жалостью.

Со стороны поселка уже спешили люди. Впереди, как всегда, бежал, подпрыгивая от нетерпения и возбуждения, Ахмед. За ним толпой шли все жители деревни.

Люди подошли к мертвому телу. Вперед выдвинулся полицейский в форменной одежде: коротких и широких белых шортах и такой же белой, с короткими рукавами рубашке. На поясе у него была черная кобура, за которую он все время держался рукой. Он словно боялся, что в любой момент эту кобуру с пистолетом у него могут отобрать. Он с большим трепетом относился к своей форме полицейского, считал, что она придает ему значимости в глазах односельчан. Впрочем, так оно и было. Может, поэтому полицейский и подошел к берегу одним из последних – ему неудобно было бежать наравне со всеми...

Он достал из кармана мобильный телефон и, набрав номер, стал говорить со своим непосредственным начальством. Получив указания, служитель закона словами и жестами стал отгонять людей от трупа.

Люди послушно отошли, встав неподалеку полукругом. Но уходить пока никто никуда не собирался. Все чего-то ждали, как будто надеясь, что человек, неподвижно смотревший в небо, вдруг оживет.

Вдруг все тот же Ахмед затараторил и, вытянув в сторону моря свою тонкую черную руку, стал на что-то показывать.

Люди, до этого времени не сводившие глаз с незнакомца, будто по команде посмотрели в сторону моря и окаменели.

Там на волнах неторопливо покачивались еще несколько тел. И над этими телам уже кружили белые морские чайки – заклятые враги моряков. Ибо первое, что делают чайки, увидев на воде мертвое тело человека, – это выклевают ему глаза.

4

16 сентября 2009 года. 16 часов

– Первый, пошел! Второй, пошел!..

Стоя возле открытой двери кукурузника, майор Лавров следил за порядком десантирования вэдэвэшников. Он клал руку на спину приготовившегося к прыжку бойца и в нужный момент подталкивал его. Заодно Лавров следил, на какой высоте раскрываются парашюты. Это были не те обычные, куполообразные парашюты, которыми обычно пользуются вэдэвэшники, а парaplаны. Один за другим они раскрывались белыми лепестками на фоне зеленого летного поля и опускались возле белого креста, нарисованного на земле.

Страх высоты, присутствующий в каждом человеке от рождения, заставлял некоторых еще неопытных вэдэвэшников интуитивно задерживаться у открытой двери самолета, и поэтому Лаврову приходилось их подбадривать, а то и выталкивать силой.

Наконец, когда вся группа оказалась в воздухе, подошла и его очередь...

Приблизившись к открытой двери, ощутив перед лицом плотный гудящий воздушный поток, майор Лавров резко, словно в воду, бросил вниз свое тело. Он почувствовал, как упругая струя воздуха подхватила его.

А потом появилось ощущение свободы, которым наслаждаются парашютисты, дельтапланеристы, те же вэдэвэшники, но которое никогда не испытают те граждане, которые сидят в мягких уютных креслах самолетов, неторопливо потягивают из пластмассовых стаканчиков чай или кофе и с высоты любят проплывающей под ними землей: ровными квадратами полей, изогнутыми нитками голубых рек, квадратиками крыш, прямыми линиями дорог...

При групповых прыжках на точность приземления все просчитывается до секунды – время свободного падения первого вэдэвэшника и последнего, замыкающего, сильно отличается. Чтобы избежать кучного одновременного приземления, а вместе с ним и перехлеста парашютов, лишнего травматизма, применяется «лесенка» – прием отработанный и давно известный всем парашютистам-спортсменам.

Они, вэдэвэшники, хотя и не были спортсменами, но должны были отработать и этот прием, они должны были делать его не хуже спортсменов. В боевых условиях, как говорится, всякое может случиться...

Дольше всех наслаждался свободным полетом Калмыков – он прыгнул первым, первым и должен был приземлиться. По этой причине Калмыков должен был раскрывать парашют перед самым приземлением.

Выпускающему, а следовательно, и последнему из десантировавшихся майору Лаврову времени на свободное падение было отведено всего ничего.

Дернулся раскрывшийся парашют, и, приняв вертикальное положение, Лавров замедлил падение. Покачиваясь на стропах, наблюдая за быстро приближающейся поверхностью летного поля, Лавров подтягивал стропы, направляя свое тело к белому кресту.

Заодно он следил, кто и как приземлялся.

Быстро гася белопенные парашюты, бойцы освобождали место для очередного товарища. Приземление у каждого было различным. Одни приземлялись правильно, другие пробегали несколько шагов, не успев вовремя погасить купол. Еще в воздухе майор Лавров давал оценку каждому.

Через десять минут прыжки были закончены.

Взвод был построен. В стороне от шеренги бойцов, возле одноэтажного здания, стоял кукурузник. Возле кукурузника прохаживался летчик – готовил самолет к следующему полету.

Над крышей здания высилась антенна – обычная, без наворотов – для внутренней связи. Рядом со зданием стоял шест с полосатым мешком на конце – указателем силы ветра.

Это было обычное тренировочное летное поле.

Перед взводом прохаживался взад-вперед майор Лавров – замыкающий и выпускающий группы...

Внешне он мало чем отличался от высоких, крепко сложенных бойцов. Он был такого же плотного мускулистого телосложения. Среди своих рослых, под метр восемьдесят, бойцов он даже казался низкорослым. Что отличало его от других вэдэвэшников – так это цепкий пронизывающий взгляд и короткие черные усы. Не тонкие усики-мерзавчики, которые обычно носят киногерои зарубежных гангстерских фильмов, нет, это были обычные черные усы. На них частенько с завистью поглядывали молодые бойцы, – они не могли позволить себе такую роскошь, как иметь усы...

– Ибо, – часто говаривал майор своим бойцам, почему-то поднимая вверх указательный палец, – я уже почти старик, меня девушки не любят, и потому я могу позволить себе такую блажь...

После этих слов майор аккуратно разглаживал пальцами черные усы – предмет своей гордости.

Командир взвода майор Лавров, хотя ему давно перевалило за тридцатку, никому во вверенном ему взводе не уступал ни в силе, ни в ловкости. А уж тем более он никому не уступал в меткости во время учебных стрельб.

Как и положено командиру-вэдэвэшнику, он наравне со всеми бойцами проводил физзарядку. Частенько по окончании физзарядки он подходил к турнику и форсисто, на зависть молодежи, крутил солнышко... Вместе со всеми он бегал марш-броски при полной выкладке, разумеется...

Частенько во время очередного марш-броска Лавров бежал рядом с последним отстающим бойцом, которому не хватало сил догнать своих сослуживцев.

Он бежал рядом с этим бойцом и говорил ему по-свойски:

– Что, родимый, дышать нечем? Терпи, терпи, родной... Я, заметь, старый и больной, которого девушки не любят, также вынужден терпеть ваши шуточки – издевочки над своей личностью...

И боец, взглянув на розовощекое лицо своего командира, на его ладно скроенную фигуру, на то, как он легко, безо всяких усилий бежит с полной выкладкой, находил в себе силы улыбнуться... И тут же – самое удивительное – боец с облегчением чувствовал, что появляется второе дыхание...

Не только во взводе, но и в гарнизоне знали любимую присказку Лаврова о его мнимой старости и о его мнимых страданиях из-за невнимания женщин к его личности.

После последней командировки на Северный Кавказ, откуда Лавров вернулся с серьезным ранением, ему выписали санаторную путевку в один из военных санаториев, расположенных на берегу Черного моря. Попал туда и его друг – старлей Чалов. Чалов поехал в санаторий первым. Первым же он и вернулся.

Сразу же по возвращении в часть начались расспросы о санаторной жизни.

Богатырь Чалов, разводя руками, рассказывал бойцам:

– Всякое и всяких я видел, не впервой мне в санатории бывать, но такое...

– Что там наш майор натворил? – сразу же смекнули бойцы, о ком будет речь вестись. Окружив Чалова, они наострили уши...

– В первый же вечер, только-только Лавров заселился, он тут же познакомился с одной курортницей. Красавица – глаз не оторвать. Пухленькая такая. На щеках ямочки. А хохотушка... Истинная хохлушка... Он с ней закрутил не роман, а настоящий романище... На пляже

с ней загорал. По аллеям днем они вместе гуляли у всех на виду. Многие подозревать стали, не жену ли он привез с собой...

И вот как-то раз вечером, когда стемнело, я иду по аллее и тут внезапно слышу знакомый басок Лаврова. Прислушался – точно он. На скамеечке, кустами от посторонних глаз укрытой, пристроился. А рядом с ним, слышу, женщина. Плачет, всхлипывает. Я так и остолбенел. Сразу и не понял, что происходит. Подумал, уж не хохотушку ли обидеть надумал... А потом понял по голосу – нет, не она, другая...

Слышу голосок его:

– Да не плачь ты, не расстраивайся слишком... Ну что поделаешь, ежели у меня судьбина такая... Женился, как и все люди. А потом и началось... свихнулась баба... Не явно так, посторонним незаметно. Ну и что мне прикажешь делать? Развестись – совесть не позволяет. Совсем без меня одичает, из психушек не вылезет. Вот и вынужден за собой по санаториям таскать. Люди не видят и не понимают моих страданий. Это только ты во мне разобралась по-настоящему... А ты не плачь. Я тебя не брошу. Мы будем с тобой встречаться, но, сама понимаешь, не на глазах у моей психованной. Иди, иди ко мне, бедненькая...

Богатырь Чалов так удачно копировал басок Лаврова, так старательно изображал виденную им сцену, что слушатели чуть ли не по земле ползали...

Смешно было еще и оттого, что, как всем было известно, Лавров и Чалов были друзьями неразлучными, но, наверное, только истинным друзьям и позволено то, что другим нельзя делать...

Когда же Лавров вернулся из санатория в часть и в очередной раз завел свою любимую песню: «Я уже старый и больной...» – то весь взвод, не стовариваясь, дружно хором подхватил: «И нас девушки не любят...»

Майор замер. Пытливо впился взглядом в лицо старлея Чалова. Но тот молчал, глядя не на майора, а куда-то в даль голубую... Чалов покраснел, пытаясь сдержаться и не прыснуть от смеха.

Майор сам не удержался и расхохотался беззлобно, по-детски. Понял – раскусили, гады...

Как это обычно бывает, у майора среди бойцов имелось прозвище – Батяня. Его ровесники либо делали карьеру, получая более высокие звания и должности, либо увольнялись на гражданку и, как многие бывшие военные, пристраивались в охранные организации, а вот Лавров оставался неизменным, как неизменным оставалось прозвище, данное ему бойцами. В этом теплом уютном слове было все: и уважение за его преданность к нелегкой рискованной службе, и любовь, и доверие безграничное, без которого настоящего командира нет и не может быть...

Но не следует думать, что Батяня был таким беззащитным, беззлобным балагуром. Нет, нет и еще раз нет...

Стоило Батяню вывести из себя, его глаза тут же наливались чернотой, становились злыми и колючими. Страшно становилось провинившемуся, когда он натыкался на такой взгляд. Лучше было бы, если бы Батяня кричал, орал, топал ногами. Но нет, не было ни крика, ни ора, и от этой пугающей тишины еще страшнее становилось человеку.

Вернувшись из командировки на Северный Кавказ, бойцы рассказывали целые легенды об этом пугающем взгляде Батяни.

Но не только одним взглядом мог убить Батяня.

В гарнизоне толстого краснощекого повара Остапенко мужчины почему-то недолюбливали. В том, что Остапенко был поваром гарнизонной столовой, не было ничего зазорного – у каждого свое представление о личном счастье и благополучии, да и повар в армейской службе – фигура достойная, без нее никак не выкрутишься... Дело крылось в ином...

В выражении полного круглого лица Остапенко, в его скользком бегающем от собеседника взгляде, в его постоянном нытье о неудавшейся карьере и тяжелой жизни – во всем этом было нечто отталкивающее. По гарнизону ходили слухи, что Остапенко слишком уж сдружился

с земляком начмедом. А раз такая тесная дружба завязалась, то порядка в котле не жди... Но, как говорится, не пойман за руку – не вор...

Как-то перед обедом, когда, как это обычно и бывает перед обедом, у входа в гарнизонную столовую толпился народ, на глаза Батяни попался Остапенко. Быстро перебирая своими полными женскими ногами и размахивая своими пухлыми ручками, ни на кого не глядя, он торопливо семенил из кабинета начмеда в столовую – свою вотчину... Когда Остапенко проходил мимо Батяни, тот громко, так, чтобы все присутствующие услышали, спросил:

– Как жизнь идет, Остапенко?

– Тяжеловато, – скороговоркой буркнул тот, не останавливаясь, по заведенной привычке не поднимая глаз на собеседника.

– Но – тянем... – тоном Остапенко такой же скороговоркой добавил Батяня.

Говорят, от дружного гогота в столовой стекло треснуло...

Через недельку исчез из гарнизона Остапенко – не выдержал, бедолага...

Вот таким был Батяня.

Прохаживаясь перед построившимся взводом, Батяня говорил:

– Разбором прыжков, так называемым разбором полетов мы займемся позже. Сейчас у нас на это мероприятие времени нет. Сейчас, заменив парашюты, мы проведем еще одну серию прыжков. На этот раз парашюты будут не параплановые, а обычные. В ближайшее время нам предстоят прыжки из «Ила». Там, как я говорил, высота выброса иная, да и техника прыжков иная. Поэтому сейчас отнестись к прыжкам нужно будет особенно внимательно. Загружаться в самолет будем двумя группами. В первой группе выпускающим будет старший лейтенант Чалов.

– Есть, – коротко ответил Чалов.

– Во второй группе руководить прыжками буду я. Еще раз прошу обратить внимание на технику приземления. Рядовой Сидоркин!

– Я, – отозвался рослый боец.

– Ты прыгаешь третий раз. И третий раз ты кувыркаешься во время приземления. Смотри, что ты делаешь во время приземления.

Широко расставив прямые ноги, Батяня замер. При этом он театрально выпучил глаза, пристально глядя в глаза Сидоркину, который был на голову выше командира. Эта комическая театральная сцена тут же вызвала смехок у вэдэвэшников.

Сидоркин покраснел. Лучше было бы, если бы Батяня отчитал его. Но умел, умел Батяня задеть за живое и без слов...

– Ладно, – без лишних нотаций закончил Батяня, – хочется ноги в задницу загнать – загоняй, твои проблемы.

И здесь он тут же обратился к другому бойцу:

– Ты, Иванников, не слишком-то улыбайся. Раздухарился. Не радуйся раньше времени чужому счастью. Во время последнего прыжка ты слишком близко сошелся с Хромкиным. Приземление у тебя было удачным, но что было бы, если бы вы схлестнулись стропами? От радости свободного падения в зобу дыханье сперло? Повторяю: при выброске из «Ила» риск травматизма выше, там количество десантирующихся парашютистов будет гораздо больше... Рядовой Калмыков!

– Я, – отозвался низкорослый боец с узкими раскосыми глазами.

– Выйти из строя.

– Есть. – Калмыков строевым шагом вышел из строя.

– Покажи, а заодно и расскажи всем нам и в первую очередь своему другу Сидоркину, как надо правильно приземляться...

– Есть показать, товарищ майор. – Крутанувшись на месте, Калмыков повернулся лицом к бойцам.

– Ну прицепились репейником. – Сидоркин со злостью смотрел на Калмыкова. – Сейчас еще и этот паразит будет душу терзать...

А Калмыков был счастлив продемонстрировать свое умение перед бойцами. И в первую очередь – перед другом Сидоркиным.

– Главное при приземлении – группировка, – начал инструктаж Калмыков. – Ноги надо держать вместе. Тело должно быть чуть-чуть согнуто. И ноги должны быть чуть-чуть согнуты. Тело должно быть как пружина сжатая. Ноги должны удариться о землю не пятками, не носками. Всей стопой надо удариться.

Калмыков сжался, сгруппировался, показывая, как нужно приземляться. И без того небольшого роста, он стал еще меньше. Чем-то Калмыков напоминал сейчас зверя, готового к прыжку. И смотрел он сейчас внимательно вперед. Естественно, все видели, на кого он смотрел – на друга своего Сидоркина.

– И еще, – продолжал Калмыков, – перед самым приземлением надо потянуть стропы парашюта. Скорость падения тогда замедлится. Тогда сильного удара о землю не будет. Тогда у Сидоркина ноги в задницу не войдут...

Взвод вздрогнул...

Сидоркин дернулся, но – устоял...

А Калмыков даже и не улыбнулся, он был занят другим – показывал, как будет дергать стропы парашюта...

Хотя Калмыков делал сейчас серьезное дело – объяснял и показывал технику приземления, – все бойцы, глядя на него, улыбались. Было в поведении и словах Калмыкова что-то комическое, наивно-детское...

– Становитесь в строй, Калмыков, – скомандовал Батяня, когда Калмыков окончил представление.

– Есть становиться в строй, товарищ майор! – гордо ответил Калмыков и шагнул в строй.

– Сидоркин, понял, как надо приземляться? – на всякий случай спросил Батяня у Сидоркина.

– Понял, товарищ майор, – прогудел Сидоркин. Посмотрев на Калмыкова, он решил отыграться: – Калмыков вообще словно кот: как бы и с какой бы высоты кота ни выбросили, он всегда на лапы приземляется.

– Почему это я – кот? – обиделся на сравнение Калмыков.

– Так у того же хвост имеется, – пожалел бедного Сидоркина умница старлей Чалов. – Во время падения котят тем хвостом, как пропеллером, управляет. Поэтому он на все четыре всегда опускается.

Бойцы внимательно и серьезно рассматривали Калмыкова – есть ли у него хвост. Естественно, хвоста у Калмыкова не было...

– Ты, Чалов, – пришел на выручку Калмыкову Батяня, – тоже котят хороший. Ни одной юбки не пропускаешь.

– Учусь у старших товарищей, товарищ майор, – бодро ответил Чалов, глядя невинным взглядом на Батяню.

Бойцы еле сдерживались, чтобы не рассмеяться.

– Ты когда женишься? Пора уже. Двадцать восемь стукнуло, – улыбался Батяня, глядя на розовое красивое лицо Чалова.

Все знали и чувствовали, что после командировки на Северный Кавказ Батяня со старлеем навек стали лучшими друзьями. И теперь постоянно по-дружески подтрунивали друг над другом...

– Да я хоть завтра готов, товарищ майор. Только загогулька одна имеется, загогулька одна, как когда-то говорил один наш общий знакомый.

– Какая такая загогулька?

– А вдруг она узнает, где маманя сало прячет, – на полном серьезе отвечал Чалов.

Ни в одном взводе так часто не подшучивали бойцы друг над другом, как во взводе Батяни. Но и ни в одном взводе не было такого порядка, как во взводе, руководимом Батяней: на учениях, во время боевых и показательных стрельб взвод Батяни всегда был лучшим. Начальство это знало, ценило и, как говорят, приберегало взвод Батяни для всяких экстренных случаев.

Кукурузник между тем, заурчав, начал выруливать на взлетную полосу.

– Приготовиться группе Чалова, – вмиг посерьезнев, произнес Батяня. – Сейчас мы наблюдаем, как вы по-кошачьи приземляться будете.

И тут на краю летного поля показалась всем знакомая машина комполка. Не доезжая до строя бойцов, машина остановилась. Из нее вышли на летное поле двое: комполка и незнакомец среднего роста в форме контр-адмирала.

Кто-то из бойцов присвистнул.

– По наши души прикатили, – прогудел Чалов.

– Взвооо-оод! Ррр-равня-аайсь! – раскатисто и громко скомандовал Батяня. Затем, переводя дыхание, резко, как ударом хлыста, окончил: – Смирно!..

5

17 сентября 2009 года

Из сообщения агентства «Рейтер»:

«Как стало известно, в Аденском заливе обнаружены трупы российских морских пехотинцев. Там же, в море, недалеко от берегов Сомали находится сухогруз «Михаил Шолохов». Никаких признаков жизнедеятельности на сухогрузе не обнаружено.

Вероятнее всего, гибель морских пехотинцев напрямую связана с судьбой сухогруза. Учитывая, что российские власти попытались освободить сухогруз, используя морских пехотинцев, можно предположить, что на сухогрузе находится опасный груз. Какой именно груз – неизвестно.

Не исключено также, что морские пехотинцы использовались для охраны груза.

Вооруженные армейские подразделения, находящиеся на гражданском судне в международных водах, – это грубейшее нарушение международных правовых норм.

По мнению многих политических обозревателей, российские власти в последнее время все чаще и чаще демонстрируют свои агрессивные намерения по отношению к другим странам. Ярчайшим примером тому являются недавние события в Грузии, где русскими было применено жесточайшее насилие против мирного населения.

К сожалению, наши корреспонденты не смогли связаться с господином Павловым, работающим послом в Эфиопии и являющимся по совместительству послом России в Сомали.

По нашей информации, самолет, на котором он направлялся из Эфиопии в Сомали, потерпел аварию из-за плохих погодных условий.

Возможно, объявленный ранее плановый рейд в Аденском заливе российского военного крейсера «Отважный», входящего в состав международных сил по обеспечению безопасности судоходства, и ситуация, сложившаяся вокруг сухогруза, как-то взаимосвязаны.

Странная ситуация, сложившаяся вокруг российского сухогруза, требует четкого объяснения от российских властей. Однако пока никаких вразумительных ответов от их представителей нами не получено».

Издание «Аналитика».

Из статьи «Снова проблемы с Россией»:

«В последние годы, как отмечают многие международные обозреватели, в России медленно формируется тоталитарный режим, попирающий не только права человека, внутрироссийские демократические завоевания, но и все международные нормы. Российскими властями игнорируются резолюции ООН.

Ярчайшим тому примером является дело Литвиненко, погибшего при загадочных обстоятельствах. Радиоактивные следы полония, обнаруженные в различных местах пребывания Литвиненко, свидетельствуют о том, что российские спецслужбы не гнушаются никакими методами для устранения своих противников.

Загадочное исчезновение сухогруза «Арктик Сити» в Мировом океане опять же связано с Россией.

Таинственному нападению судно подверглось в Балтийском море рядом со шведским островом Оланд. Восемь человек в черных масках и жилетах с надписью «полиция» ворвались на судно, вырвали мобильные телефоны, повредили радиооборудование и 12 часов обыскивали сухогруз в поисках наркотиков. Ничего не найдя, нападавшие покинули судно, а сухогруз последовал дальше.

Судовладелец Виктор Матвеев сообщил о произошедшем властям Финляндии, где его корабль был загружен лесом. Те послали запрос в Швецию. Там началось расследование по

факту нападения на судно, однако следователи не смогли связаться с экипажем – спутниковый телефон не работал.

Безусловно, факт обыска судна «Арктик Сити» настораживает мировую общественность.

Балтийское море – внутреннее европейское море, здесь подобным образом могут действовать только официальные силовые структуры европейских государств.

Можно утверждать со стопроцентной вероятностью, что судно обыскивали шведские спецслужбы.

Однако какие наркотики могут быть на судне, которое перевозило лес из Финляндии?

Но...

Судно до прихода в Финляндию какое-то время стояло в Калининграде якобы на ремонте. Чем загрузили в это время корабль в Калининграде? Что так могло заинтересовать шведские спецслужбы?

Предположим, что кроме наркотиков подобным образом можно искать компоненты ядерных боеприпасов, запрещенных к распространению, или еще что-то, подпадающее под категорию запрещенного.

Мы не исключаем, что на борту «Арктик Сити» и в самом деле находится запрещенный груз.

Мы подробно остановились на ситуации, связанной с таинственным исчезновением судна «Арктик Сити», только по той причине, что аналогичная ситуация разворачивается и вокруг сухогруза «Михаил Шолохов».

Судите сами. Порт приписки «Михаила Шолохова» Калининград. Единственное отличие от ситуации с «Арктик Сити» – это то, что во время фрахта «Шолохов» заходил в Роттердам.

Имея конечным пунктом прибытия зону африканского побережья, сухогруз мог в море начать перезагрузку проблемного груза. Кому предназначался проблемный груз?

Возможно, Венесуэле, Индии, Пакистану...

Не исключено, что во время перегрузки проблемного груза корабль был поврежден.

Не исключается и версия нападения пиратов. Однако странно, что пираты до сих пор никаких требований не выдвинули.

Какие можно сделать объективные выводы?

Вероятнее всего, как предполагает «Рейтер», на гражданском судне российские военные организовали поставку оружия в страны, поддерживающие террористов.

Возможно, что напрямую российские власти к транспортировке таинственного груза никакого отношения не имеют. Возможно, груз отправлен одной из кремлевских группировок, занимающейся торговлей оружием.

Алчный дележ денег среди российских олигархов, их баснословные доходы, позволяющие им скупать виллы и яхты, бессилие российских властей перед коррупцией и, как следствие этого бессилия, бесконтрольное распространение оружия, в том числе и ядерного, по всему земному шару – все это заставляет мировое сообщество задуматься не только о непредсказуемом поведении России, но и, самое главное, принять решительные меры против этого монстра, поднимающегося с колен.

Мы должны в конце концов понять, что огромные ядерные ресурсы и полезные ископаемые, находящиеся на бескрайних, практически безлюдных просторах России, должны в ближайшее время перейти под жесткий контроль мирового сообщества. В период наступившей глобализации эта мера – единственно правильная и оправданная. Только так может быть положен конец российскому беспределу как в торговле ядерным оружием, так и в отношении энергопоставок из России в европейские страны».

Издание «Панорама».

Из статьи «Кризис в российском ядерном лобби?»:

«Затопление ядерных отходов в Мировом океане – реальность. Существуют многочисленные доказательства причастности различных мафиозных структур к нелегальным захоронениям ядерных отходов на суше.

Что касается затопления судов с радиоактивными отходами в море, то такие случаи уже были. Так, в декабре 1995 года итальянский следователь Натале де Грацио – молодой офицер береговой службы – внезапно умер от сердечного приступа. Его коллеги подозревают, что он был отравлен после того, как ему стало известно об одном из таких случаев затопления радиоактивных отходов.

Интересная история произошла с судном «Россо», выброшенным на берег штормом близ города Амантеа в 1990 году. Груз «Россо» захоронили на суше, а спустя несколько лет в окрестностях этого города резко увеличилось число людей с онкозаболеваниями. Ядовитые отходы радиоактивного цезия 137 были найдены близ города в карьере, который использовали для захоронения радиоактивных отходов.

Многие утверждают, что к незаконному захоронению радиоактивных отходов причастны чиновники и спецслужбы различных стран, в том числе и России.

Так, исследователь Фонти в 2005 году заявил, что судно «Кански» перевозило радиоактивные отходы из Норвегии. По его словам, большое количество судов было затоплено в водах Кении, Сомали и государств Западной Африки, а отходы, которые на них находились, поставлялись различными, в том числе и российскими, химическими и фармацевтическими компаниями.

Массимо Скалия, профессор физики Римского университета, думает, что использование Мирового океана в качестве свалки уже давно стало прибыльным бизнесом.

В связи с вышеизложенным особую озабоченность для мировой общественности представляет запутанная, загадочная ситуация с российским сухогрузом «Михаил Шолохов».

На основании вышесказанного можно утверждать, что «Михаил Шолохов», направляясь к сомалийским берегам, вез опасный груз. По невыясненным причинам, возможно связанным с внутрироссийскими разборками в ядерном лобби, не поделившем между собой прибыль или сферы влияния, команда корабля погибла. По этой же причине погибли и морские пехотинцы».

Второй Аналитический центр
Администрации Президента

Копия:

Пятое Главное управление ФСБ

Служебная записка

В настоящее время активизировалась мощная информационная атака ² против России.

Особую значимость информационные войны приобрели в период глобализации, в период усиления роли СМИ в жизни общества...

Примером, заставляющим задуматься о роли информационных войн в современном мире, может послужить факт внезапного крушения Советского Союза и цветные революции, случившиеся в разных странах по одному и тому же сценарию, называемому в среде политиков «убийством государства...»

² Информационные войны ведутся с незапамятных времен. Сознательный обман населения властями – явление не новое. Типичный пример – поражение войск Наполеона во время похода в Египет. Вернувшись во Францию, Наполеон объявил о своей победе. По случаю этой победы были даже выпущены медали с изображением Наполеона... Этой ложью Наполеон укрепил свою власть.

Шумиха, поднятая западными СМИ вокруг сухогруза «Шолохов», направлена на дискредитацию России. Западные писаки хотят выставить ее в глазах мировой общественности таким кровожадным монстром, попирающим все этические нормы и законы.

Ситуация, сложившаяся вокруг сухогруза «Михаил Шолохов», требует скорейшего разрешения по той причине, что, вероятнее всего, это часть многоходовой операции зарубежных разведслужб. Об этом свидетельствуют:

1. Дружный, хорошо скоординированный выброс негативной информации в общественное сознание с помощью различных СМИ.

2. До сих пор неясен характер груза, загруженного в Роттердаме. В связи с тем что в Роттердаме дозагрузка проводилась контейнерная, то команда корабля могла и не знать о характере груза, содержащегося в закрытых, запломбированных контейнерах.

Считаем, что наряду с уже принятыми мерами по освобождению сухогруза следует срочно принять меры по выяснению характера груза. Не исключено, что в контейнерах находятся радиоактивные отходы.

Начальник четвертого аналитического Управления МИДа

Сорокин И.П.

6

17 сентября 2009 года. 16 часов

Находясь в воздухе над сухогрузом, Батяня наблюдал, как один за другим опускались на парашютах на плоскую палубу вэдэвэшники. Быстро погасив парашюты, они тут же выстраивались в стороне, освобождая место для товарищей.

Пока все шло по графику: первым опустился юркий Калмыков, потом Шестов...

Собрав парашюты, бойцы смотрели вверх – ожидали командира.

Погасив парашют и освободившись от строп, Батяня махнул рукой в сторону открытой двери машинного зала сухогруза. Он первым и бросился в темное, неосвещенное пространство, туда, вниз, в утробу судна, по гулкой металлической лестнице. Сзади загрохотали ботинками бойцы.

Как только группа спустилась по лестнице, дверь за ними захлопнулась. Вероятнее всего, противник готовил ловушку заранее – Батяня с бойцами оказались запертыми в трюме корабля.

Кто-то поставил Батяне подножку, он упал и тут же почувствовал, как на него навалились сверху. Кто-то большой и грузный. Здоровой лапшей этот кто-то сдавил ему горло.

«Опытный, гад», – мелькнуло в голове у Батяни.

Памятуя основное правило самбиста – давай волю противнику и действуй по его же правилам, – Батяня быстро и резко, как бы не сопротивляясь, откинул голову в сторону и тут же, как только медвежья хватка ослабла на мгновение, перехватил кисть, сдавливающую его горло.

Сила на силу... До зубовного скрежета... Но и противник попался сильный – стонал, но хватку не ослаблял...

И снова отработанным приемом самбо Батяня, резко ослабив хватку, правой рукой ударил в невидимое лицо...

Нужно было что-то предпринимать, Батяня чувствовал, что простой силой этого невидимого «медведя» ему не одолеть. Удар – это Батяня почувствовал по боли в руке – пришелся «медведю» в подбородок. Голова противника дернулась. Что-то похожее на мычание послышалось Батяне.

Медвежья хватка на мгновение ослабла, и тогда изо всей силы, упираясь ногами в железную лестничную планку, Батяня резко бросил свое тело в сторону. Грузная махина, не ожидая такого подвоха, соскользнула с него. Но его огромная лапища продолжала тянуться к горлу. Казалось, что этой невидимой в темноте махине не знакомы ощущения боли.

Удерживая одной рукой руку противника, второй рукой Батяня провел свой коронный прием – ребром ладони ударил по шее, туда, где была сонная артерия.

И снова в ответ послышалось лишь мычание.

Знал Батяня, что другой противник в таком случае сразу бы вырубился.

Но этот «медведь» только дернулся.

Но и этого Батяне было достаточно. Мгновение, спасительное мгновение было выиграно... Батяне наконец-то удалось выскользнуть из-под навалившейся на него машины. Все так же упираясь ногами в планку лестницы, резко крутанувшись, Батяня подмял под себя руку, тянувшуюся к его горлу. Наконец-то хватка «медведя» ослабла. И теперь оставалось главное – заломать эту огромную лапищу, до хруста костей заломать...

– Ладно, сдаюсь... Скажу, где маманя сало прячет... – вдруг услышал Батяня знакомый бас...

– Ну гад, ты же меня чуть не задушил, – переводя дух, ответил Батяня, только сейчас поняв, с кем ему пришлось сражаться. Подумал – не приведи господь с таким медведем в бою столкнуться...

– А что мне оставалось... Ждать, пока руку выломают... Не дождетесь...

В темноте между тем слышалась какая-то возня.

– Когда вы там люк откроете? – громко крикнул Батяня, немного успокаиваясь. Но руки у него все еще подрагивали. Как это обычно бывает после напряженного боя.

– Сейчас, товарищ майор... – послышался сверху голос Калмыкова. – Подождите немного, товарищ майор... Я этого вражину Сидоркина завалю и открою люк. Это он, вражина Сидоркин, люк закрыл, подлянку нам кинул...

– Я тебе покажу подлянку, – послышалось сопение Сидоркина. – Ты у меня сейчас с лестницы котом вниз полетишь... На все четыре опустишься...

Было слышно, как Сидоркин и Калмыков, сцепившись в яростной схватке, скатились вниз по лестнице.

– Точно коты мартовские, – прокомментировал Чалов.

Через полчаса на палубе списанного сухогруза сидели нападавшие и обороняющиеся: кто курил, кто потирал ушибленные места.

Немного отдышавшись, Батяня сказал:

– Передохнем и – снова вниз, будем досконально изучать внутреннее строение сухогруза. Потом изучим надпалубные постройки. Все должны знать строение корабля досконально. Пираты – не киношные придурки. Тоже стрелять умеют. Да и боевой опыт у них порядочный.

– Товарищ майор... А что если сделать так, как делал Хемингуэй во время войны с немцами? – спросил Калмыков.

– Ну-ну... Расскажи, как это он делал?

– Во время войны он охотился на немецкие подлодки. Поставил пушку на рыбацкую шхуну. Маскировал пушку и отправлялся в море. Он отчаянный был. Вот так же и с сомалийскими пиратами делать надо. Пушки поставить или, на худой конец, автоматы дать морякам – и кирдык пиратам будет. Побоятся сунуться.

– Тебя, Калмыков, в Москву, в Думу надо отправить. Там Жирика заменишь. Тот, помнишь, когда грипп птичий только-только появился, советовал пушки на границе поставить и всех подряд птиц сбивать. Бедняга, уже изговорился весь. Так ты ему там идейки новые будешь подбрасывать. Вот хохота будет, – острил довольный Сидоркин.

Хотя непонятно было, чему он радовался. С таким синяком, какой ему поставили во время учебного захвата сухогруза, плакать нужно, а не хохотать.

– Тут, Калмыков, дело сложное, – отвечал Батяня. – Я тебе сейчас исторический пример приведу. Уже в первом веке до новой эры, – ну, до рождения Христа – пиратство было распространено везде, где велась морская доставка грузов. Уже тогда Древний Рим – величайшая империя, которая полмиром правила, никак не могла справиться с пиратами, орудовавшими в Средиземноморье. Помнишь, чему в школе учили? Помнишь, какой был принцип власти в Древнем Риме?.. Хлеба и зрелищ дай народу, и этого будет достаточно. Так вот, дело дошло до того, что хлеба в Риме не стало. Фактически пираты заблокировали доставку хлеба. Начался голод. Помпей Великий, получив титул номарха – по нынешней терминологии Главкома флота, – за восемьдесят дней обещал навести на море порядок. Думаешь, Калмыков, тогда римляне не догадывались размещать на торговых судах вооруженных солдат? Думаешь, тогда они не пытались делать то, что делал Хемингуэй во время войны? Делали и не раз. Но – не помогало. Одних пиратов брали в плен, а вместо них появлялись новые головорезы. Почему так происходило, Калмыков, как думаешь?

Бойцы слушали. Не дождавись ответа от Калмыкова, Батяня продолжил:

– У пиратов на берегах крепости стояли. Помпей Великий начал с того, что высадил на берег десант и взял пиратские крепости штурмом. Сровнял их с землей. Захваченных пиратов распяли на крестах. Все... Порядок был восстановлен. Какова мораль, как спрашивал в свое время дедушка Крылов, в этой басне? А мораль такова: до тех пор, пока не будет уничтожена инфраструктура пиратства, ни о какой победе над ними не может быть и речи. О каких порядках может вестись разговор, если сейчас Сомали разделена на четыре государства, постоянно воюющих между собой. В стране нищета полная – в казне денег практически нет – меньше доллара на человека получается. Тут не до зрелищ, как было в Древнем Риме. Голод, голод правит всем. Пираты не из космоса появились. Как и террористы, кстати. О природе терроризма мы еще поговорим отдельно – на эту тему почему-то в телешоу наши умники не говорят... Так что, Калмыков, в корень, в корень надо зреть...

– А корень у Калмыкова порядочный, – тут же прогудел Сидоркин, потирая начинающий наливаться благородной синью глаз.

Калмыков не разозлился. Он с таким ехидным видом посмотрел на Сидоркина, как будто хотел сказать:

– Мало, мало ты, друг мой, получил...

Калмыков ухмыльнулся и сказал:

– Не каждый может похвастаться солидным корнем...

– Отставить юмор ниже пояса, – Батяня не разрешал бойцам пошлить и ругаться матом. Как он частенько говорил бойцам, пошлость и грязь на языке говорит о пошлости и грязи в душе человека. – С этой задачей хорошо справляются наши телеюмористы. Воспитывают достойно поколение...

После этих слов Батяня зло сплюнул на палубу.

К причалу, возле которого стоял списанный сухогруз, подкатила машина комполка. Остановилась. Из нее вышел комполка и уже знакомый вэдэвэшникам контр-адмирал Прохоров.

– Взво-од! – привычно скомандовал Батяня, быстро поднимаясь с деревянного ящика, на котором сидел до этого времени. – Построиться. Равняйся...

Бойцы быстро выстроились...

– Отставить, – сказал комполка, когда поднялся на палубу. Оглядев вэдэвэшников, он остановил взгляд на Батяне:

– Как прошла тренировка?

– Успешно.

– Отойдем в сторону, товарищ Лавров, – по-свойски предложил комполка.

Отведя Лаврова в сторону от построившейся группы бойцов, комполка сказал то, что было уже оговорено и согласовано с контр-адмиралом:

– Итак, завтра вам предстоит вылет и десантирование на сухогруз «Михаил Шолохов». Группу подбирайте сами. Вам будут приданы врач, эмчезовец и офицер по судовождению. Сегодня же получите более точную схему планировки «Михаила Шолохова». Ваша задача: десантироваться на сухогруз, обследовать его, установить контроль над всеми помещениями сухогруза. Нужно выяснить, что случилось с морпехами. Нужно наладить спутниковую связь. В связи с этим тщательно осмотрите радиорубку. Вам будет выдана каска с веб-камерой. Через спутниковую связь мы должны иметь четкую картинку с места событий в режиме онлайн. Спешка вызвана рядом причин. Одна из таких причин – формирование мощного циклона в районе Аденского залива. Нужно срочно готовиться к вылету.

– Есть, – козырнул Лавров.

– Детали операции, которой будет руководить контр-адмирал Прохоров, получите у начштаба. Тренировочные занятия взвод пускай продолжит без вас. Сейчас мы отправляемся в штаб полка.

– Есть, – снова козырнул майор Лавров.

После этого, подойдя к шеренге бойцов, Батяня сказал:

– Я отбываю. Взводом временно назначаю руководить старшего лейтенанта Чалова.

– Есть, – тут же козырнул Чалов.

– Дальнейшую тренировку будете проводить по намеченному плану. Особое внимание уделите изучению подпалубных помещений. Приступайте.

– Есть, – снова козырнул Чалов.

Когда Батяня вместе с комполка и Прохоровым спускались с борта сухогруза и направлялись к машине комполка, Батяня услышал за спиной знакомый бас Чалова:

– Взвод, равняйся! Сейчас разделимся на две группы. Одна группа будет изучать подпалубные помещения, а другая – надпалубную надстройку. Через час меняемся местами. Первой группой команду я, второй – Сидоркин. На первый-второй рассчитайсь...

Батяня невольно улыбнулся. Он был уверен, что Чалов проведет занятия не хуже его. Он хорошо знал способности Чалова.

7

17 сентября 2009 года. 17 часов

Была когда-то в мире огромная страна. Была она настолько большая, что когда солнце садилось за горизонт на западных границах, то на восточных уже алел рассвет...

Все имелось в той стране: и леса безбрежные, и реки полноводные, в которых в изобилии водилась рыба, и бескрайние степи, и плодородные поля, высокие горы. Глубокие голубые моря омывали ту страну.

Но были ли счастливы люди, населяющие эту страну?

Об этом могут рассказать только они сами. Да и то...

Наверное, как и в каждой стране, были в ней люди и счастливые, и несчастные. Вообще разговор о всеобщем счастье людском – тяжелый и сложный, не зря, наверное, о нем, об этом самом всеобщем счастье людском, ученые люди столетиями споры ведут...

Есть же такая народная мудрость: один – корке хлеба радуется, а другому – булка с маслом горло дерет...

Потом эта страна, словно огромная льдина, подтачиваемая невидимыми теплыми течениями, распалась на несколько частей. И так же как осколки льдин по весне расплываются в разные стороны, эти части единой когда-то страны с годами все больше и больше начинали отдаляться друг от друга.

Хорошо это или плохо?

Не знаю, не знаю... Об этом могут судить только те, кто живет в этих странах.

Ибо снова, повторюсь, одним – корки хлеба хватает, а другим – булка с маслом горло дерет...

В маленьком приморском городке Пярну жил-поживал мальчик Прит. Как и все дети, он часто после уроков бегал к пристани, в порт, где покачивались на волнах большие и маленькие суда. Суда приходили в порт издали и, постояв возле причала сутки-другие, туда же, в голубую безбрежность, уходили.

Маленький Прит мечтал о том времени, когда и он, повзрослев, сможет уплыть туда, где растут пальмы под южным обжигающим солнцем, где плавают огромные, словно горы, бело-снежные айсберги, где огромные загадочные киты выныривают из морских глубин, выплескивая над головой целые фонтаны воды. Он мечтал о тех странах, где живут красивые добрые люди, которые только тем и заняты, что ждут не дождутся, когда к ним приплывет симпатичный и умный мальчик Прит...

Да, дети – везде дети, что в Пярну, что в жаркой голодающей Африке... Их всегда манит таинственное, то, что скрыто за линией горизонта.

Повзрослев, окончив школу, Прит поступил в Калининградскую мореходку. Он был целеустремленным – он стремился к своей детской мечте и хотел превратить ее в реальность...

Потом, когда ненавистная империя распалась, Прит бросил учебу в мореходке и вернулся на свою родину, которая теперь стала независимой.

Как и многие его сверстники, Прит с головой окунулся в новую жизнь, которая открывала ему широкие перспективы... Он, естественно, занялся бизнесом. Он покупал и продавал все, что можно было купить и продать: лес, бумагу, спички, продукты питания, металл...

Он торговал всем, кроме нефти. Этого он не мог себе позволить. Он знал, что черное золото было черным от крови друзей и товарищей...

В те лихие времена Эстония, к удивлению многих иностранных экономистов, внезапно превратилась в крупнейшего мирового поставщика цветных металлов... Как мне помнится, тогда Эстония вышла на четвертое место в мире по продаже цветмета.

Но бизнес, как вам могут подтвердить знающие люди, идет волнами. Пришлось Приту ради сохранения своей жизни уйти с рынка цветных металлов.

Тогда Прит снова вспомнил о своих детских мечтах – о кораблях, о море голубом, которое так манило...

В соседнем развалившемся колхозе он за бесценок купил рыбацкое судно «Ленинец».

Слегка переименовав «Ленинец», который теперь стал носить гордое имя «Пярну», и наняв бригаду рыбаков, Прит занялся новым для него рыболовным бизнесом.

Казалось бы – мечта Прита сбылась. Вот он, настоящий корабль, принадлежащий только ему, на нем он, как полноправный хозяин, мог плыть когда и куда угодно. Разве мог он раньше, когда его страна находилась под игом чужеземцев, даже мечтать о таких огромных возможностях?

Но, как это часто бывает в жизни, мечта Прита, став реальностью, превратилась в горькую обыденность. Почему такое происходит – то ли обстоятельства со временем меняются, то ли природа человека такова?

По левым схемам приходилось доставать топливо, которое с каждым месяцем дорожало, надо было искать покупателей на выловленную рыбу, надо было платить рыбакам зарплату, надо было ремонтировать старое судно... И от этого бесконечного «надо» Прит в конце концов изнемог, перестал спать ночами. Эстония наконец вступила в Евросоюз, и тут же Прит почувствовал на своем маленьком бизнесе дыхание глобализации: многие мелкие бизнесмены быстро разорвались под напором экономической мощи больших зарубежных компаний. Жесткая конкуренция вынудила фермеров перестать пахать землю, выращивать скот, забыть привычный уклад жизни. Казалось, что само время начинало течь по-новому: быстрее и быстрее.

Прит был вынужден отказаться от мечты детства.

Добавлю от себя, что нечто похожее происходит и в жизни многих мужчин, которые мечтают о любимой женщине, добиваются ее, а когда наконец добьются, то сразу же охладевают к ней. Это явление обычно называют мужской изменой...

Почему, почему такое происходит? Не знаю, об этом лучше спросить тех мужчин, которые изменяют женам и подругам. Лично я такого никогда не делал и не думаю делать...

Прит продал «Пярну» коллеге по бизнесу – поляку Яцеку.

В Гданьском порту Яцек за неделю закрасил ржавые борта «Пярну» ярким оранжевым свинцовым суриком, вывел на борту судна гордое «Полония» и, сделав стопроцентную накрутку, загнал «Полонию» йеменскому бизнесмену, который занимался скупкой мелких судов.

Покачиваясь на океанских волнах, «Полония» уплыла на другой конец света.

Прит в это время занялся новым бизнесом: на вырученные от продажи судна деньги он построил небольшой заводик по переработке рыбы в рыбную муку, так необходимую сельскому хозяйству.

Теперь из высокой трубы его заводика струился в небо едкий голубоватый дым, на запах которого жаловались жители соседних с его заводом домов. Сам Прит, внезапно располневший и потяжелевший, основное время проводил в конторе, перебирая договора, накладные, декларации, проводя длинные переговоры с покупателями. Часто, когда не хватало сырья и покупатели спрашивали, почему нет рыбной муки, Прит медленно и задумчиво отвечал:

– Риппа в море ушла...

Он уже говорил «риппа»...

А затем он долго смотрел в окно и вспоминал о своей мечте – о море, о рыбацком судне, которое когда-то принадлежало ему...

Бывалые моряки говорят, что судьба судна, как и судьба женщины, изменчива и непредсказуема. И еще они говорят, что суда бывают счастливые и несчастливые.

Скоро судно «Полония» в очередной раз сменило название. Теперь оно перешло во владение пиратов.

Не было на бывшем «Ленинце» черного флага с черепом и скрещенными костями, наоборот, выкрашенное в голубую краску, с виду почти новое судно «Сомалиленд» имело опознавательные знаки. У его новых владельцев имелись даже какие-то документы, подтверждающие легальность нахождения «Сомалиленда» в Аденском заливе.

И в самом деле, если подумать, то судьба «Ленинца» чем-то напоминала судьбу продажной женщины, переходящей из рук в руки, с легкостью меняющей своих хозяев.

Теперь бывшая «Полония» предназначалась совсем не для ловли рыбы.

Старый, еще советский дизель на судне был заменен новым, мощным и экономичным японским дизелем, снятым со списанного военного корабля. Точно таким же образом была заменена и начинка бывшего рыболовного траулера. Новейшее, по последнему слову техники, навигационное оборудование и средства связи позволяли команде поддерживать связь не только с берегом, но и с другими аналогичными морскими судами. С помощью этой связи команда знала, какое судно и под каким флагом движется в Аденском заливе, более того, поддерживая связь с береговой службой, пираты точно знали, какой груз находится на судне... Трюмное помещение, некогда предназначавшееся для складирования и охлаждения рыбы, было переоборудовано – сейчас в нем можно было содержать заложников, не слишком заботясь об их охране. Прочные замки на дверях заменяли охранников.

В начале своей трудовой деятельности пираты не могли себе позволить большой роскоши, но потом, получив свой первый выкуп в размере двух миллионов долларов, они решили обустроить свой корабль. Они понимали, что деньги, вложенные в навигационное оборудование и оружие, – вернутся им с лихвой. Все это может сберечь их бесценные жизни.

Сразу же после первого нападения на торговое судно пиратами на рынке в Могадишо была куплена японская резиновая лодка: с высокими бортами и двумя мощными спаренными моторами.

Теперь пираты атаковали торговые суда на этой быстроходной лодке. Догнав корабль и обстреляв его из автоматов, они вынуждали команду застопорить ход.

До поры до времени лодка, занимавшая мало места, лежала на судне возле надпалубной надстройки – словно куча ненужного тряпья. Там же укрытые брезентом лежали и двигатели. Когда приходило время действовать, лодка быстро надувалась компрессором и к ней прикреплялись моторы, затем лодку спускали на воду, в нее садились бойцы из абордажной команды; взревев моторами, лодка быстро уносилась от «Сомалиленда»...

Как и у всякой бандитской группировки, у пиратов, плавающих на «Сомалиленде», имелся главарь – звали его Газиф Букмассо. Высокий, под два метра ростом, черный гигант с коротко стриженными кучерявыми волосами – Газиф постоянно носил зеленый полосатый комбинезон и полосатую матросскую майку. На ногах, как и у многих пиратов, у него были легкие мягкие кроссовки. Газиф обладал поистине атлетической фигурой. Он напоминал одного из тех бойцов, которые сражаются друг с другом на ринге...

Уже одного его вида было достаточно, чтобы команда вела себя тише воды и ниже травы...

Газиф Букмассо родился в глухой лесной деревушке, где до недавнего времени сохранялись древние обычаи и ритуалы: ночные танцы у костра после удачной охоты, гадание на внутренностях курицы, заклинания колдуна, которые могли принести счастье, а могли и лишить жизни.

Маленький Газиф однажды видел, как старый колдун делал заклятия. Пожевав траву бетель, выпив кукурузную водку сикуку, колдун, войдя в транс, долго размахивал кривым магическим ножом над внутренностями жертвенного животного и что-то долго шептал. А затем – о-о ужас! – темной ночью он подвесил те заговоренные окровавленные внутренности под крышей дома проклятого им человека.

И – все... Вскоре тот человек умер. О способностях колдуна убить человека при помощи заклинания знала вся деревня.

Особо любознательным шепну, что те заклятия колдуна называются вуду-вуду, но про эти заклятия слишком распространяться не стоит. Ибо заклятия есть заклятия, а тем более – африканские, мало ли чего может быть...

Многие европейские путешественники говорят, что видели своими глазами, как человек, на которого колдун наложил заклятие, вскоре умирал мучительной смертью.

Ночью вокруг приговоренного к смерти обводился на земле круг. Круг смерти. Утром, проснувшись и увидев этот круг смерти, несчастный начинал метаться. Но выбраться за этот круг смерти он не мог. Затем в присутствии племени к приговоренному и обреченному приближался колдун с магической палкой. Приставив палку к голове приговоренного, колдун произносил всего лишь два слова:

– Ты умрешь...

И все... Силы покидали приговоренного. Он тут же и умирал в конвульсиях на глазах у всего племени.

Много, много древних обычаев было в деревне, где родился Газиф Букмассо. Был там и такой обычай: мальчики, чтобы считаться мужчинами, чтобы доказать свою силу и ловкость, должны были принести будущей невесте шкуру льва или тигра. Взяв копье, они уходили в лес. А потом через несколько дней возвращались со шкурами. Таким образом мальчики превращались в настоящих мужчин.

Позже, когда в округе не стало львов и тигров, появился новый обычай: приносить скальпы белых...

Говорят, что высушенные скальпы белых еще и сейчас можно встретить в глухих деревушках.

Когда пришло время Газифу идти в лес за шкурой льва, сообразительный Газиф поймал во дворе драчливого петуха, еще недавно смело клевавшего босые ноги Газифа. Взяв под мышку драчливого забияку, Газиф отправился к колдуну, проживающему на окраине деревни.

Как и многие колдуны и чародеи, этот колдун жил совсем один. Был он стар и подслеповат, но все это ни в коем случае не уменьшало его славы пророка и провидца.

Во дворе колдун отрубил голову петуху кривым магическим ножом и бросил его на истоптанную босыми ногами землю. Орошая песок красной кровью, петух забегал по песку кругами, он даже, взмахивая крыльями, попытался взлететь, но участь его была предрешена... Быстрыми и ловкими движениями все того же магического ножа колдун вспорол петуху живот и там, во внутренностях, ворочая кончиком окровавленного ножа, стал что-то разыскивать.

Широко открытыми остекленелыми глазами Газиф смотрел на внутренности петуха и на кончик окровавленного ножа. На его глазах происходило таинство ворожбы.

Затем колдун стал долго и витиевато говорить о невидимых силах, все время витающих над Газифом. В конце концов колдун заявил, что силы те будут охранять Газифа до самой его кончины.

Этого признания колдуна Газифу было достаточно.

Через день Газиф исчез из деревни навсегда.

Заодно он прихватил с собой магический кривой нож колдуна.

Перебирая босыми ногами, Газиф быстро и решительно шел по лесной дороге в сторону города. Он думал о своей будущей предсказанной колдуном судьбе. После слов колдуна он понимал, что охотиться на диких свиней в лесу, мотыжить под жарким палящим солнцем сухую землю, выращивать кукурузу, сбивать с пальм кокосы, пасти скот – не его удел. Теперь он знал, что его удел – это жизнь в сказочном Могадишо, только там он сможет стать счастливым.

Он верил в свою судьбу, как обычно верят в свое счастье многие молодые люди во всех странах, но, в отличие от размазней-сверстников, ничего не делающих для достижения своего счастья, Газиф принял решительные меры, чтобы добиться его.

В Могадिशе он ночевал в деревянных лодках и сарайчиках, он брался за любую грязную и тяжелую работу: носил на крепких плечах тяжелые восьмидесятикилограммовые мешки с сахаром, солью, мукой, таскал ящики с бананами, апельсинами, из холодильника выносил на плечах холодные заиндевелые туши быков... Он брался за любую работу. Он убирал мусор как в порту, так и на улицах и... копил, копил деньги.

Иного выхода у него не было.

В порту Газиф подружился с мелким торговцем рыбой Омаром. Омару было сорок лет, но лицо его, изрезанное морщинами, казалось Газифу старым, сам Омар казался Газифу глубоким стариком, которого уже ничто не должно волновать. Омар жил один. У него было мелкое суденышко, на котором он выходил в море на ловлю рыбы.

За небольшую плату и еду Газиф разгружал с суденышка рыбу, разносил ее оптовым продавцам.

Скоро в порту многие рыбаки, наблюдая, как Омар заботится о нескладном долговязом подростке, стали спрашивать Омара: уж не родственника ли он приютил. И даже стали подшучивать над ним насчет Газифа.

Но Омар, по-своему привязавшись к Газифу, как часто это бывает у одиноких людей, не обращал на их шутки никакого внимания.

Омар был неглупым человеком, он часто говорил Газифу:

– У нас, африканцев, имеется в жизни два пути, есть две возможности добиться в жизни успехов – это спорт и знания. Наш великий земляк, великий спортсмен, боксер Мохаммед Али показал нам верный путь к успеху в жизни. Наши бегуны на длинные дистанции, наши спринтеры, наши могучие боксеры, наши баскетболисты и футболисты все ярче и ярче показывают и доказывают свое превосходство над изнеженными белыми людьми. Жалко, Газиф, что у тебя не появилось в свое время умного тренера. Слабовольная, изнеженная Европа аплодировала бы тебе и платила бы большие деньги только за то, что ты побеждал бы белых: обгонял бы их на разных дистанциях, прыгал бы выше и дальше их, колотил бы их своими мощными кулаками на рингах. Глупая Европа, она и сама не понимает, кому аплодирует... Если бы ты стал спортсменом, то все происходило бы точно так, как происходило когда-то в Риме, когда плебеи аплодировали гладиаторам. Только сейчас своей жизнью ты бы не рисковал. Жаль, очень жаль, Газиф, что у тебя в свое время не появился умный европейский тренер. Сил у тебя много. Но ты не отчаивайся, Газиф. У тебя есть еще и другой путь к успеху. Это учеба. Учись, Газиф, и тогда тебе не придется таскать мороженые туши из холодильных камер, не придется носить на рынок вонючую рыбу. Когда ты выучишься, ты можешь стать великим человеком, которому, я надеюсь, белые будут прислуживать. Ты станешь хозяином жизни. И тогда, когда я состарюсь, ты, возможно, вспомнишь о немощном Омаре и позаботишься обо мне. Учись, Газиф...

– Но у меня нет ничего. У меня даже и паспорта нет, – отвечал Газиф.

– Я куплю тебе паспорт. В нашем порту все можно купить, – утешал его Омар. – Потом, когда у тебя будет паспорт, я отправлю тебя на курсы, где готовят будущих студентов.

Через пару лет долговязый подросток превратился в настоящего сильного мужчину, который мог постоять за себя, благо при себе Газиф постоянно носил кривой магический нож колдуна. Его черное блестящее тело приобрело мощь от постоянной физической работы, и сейчас уже никто не мог шутить над некогда беспомощным долговязым подростком.

Слово свое Омар сдержал. Он купил Газифу паспорт. Он же познакомил Газифа с преподавателями курсов, на которые Газиф после работы бегал вечерами.

Мечты Омара сбывались.

Наступил долгожданный день, когда Газиф, одетый в белый костюм, приобретенный на рынке, где торговали всевозможными вещами, поставляемыми пиратами, отправился на первую лекцию.

На лекциях Газиф узнал о том, о чем и сам давно догадывался, когда работал в порту до седьмого пота. Он и раньше много думал о том, что сейчас ему рассказывал лектор. Он и раньше считал, что он такой же, как и все те, кто дает ему работу, кто командует им, кто насмехается над ним... И злоба, непонятная, невидимая злоба наполняла его крепкое тело. Он думал о том времени, когда наконец-то сможет поквитаться со всеми, кто властвует над ним.

Он узнал на лекциях, что есть права человека и в мире все равны: богатые и бедные, белые и черные...

Он узнал, что есть свобода, равенство и братство...

На веселых студенческих вечеринках он выучил песню, в которой были правильные слова: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим... Кто был никем, тот станет всем...»

Еще он узнал в институте, что на земном шаре творится большая несправедливость: один миллиард населения живет в достатке, а остальные семь – в нищете.

И как-то само собой к нему пришло понимание того, как устранить все беды и несчастья: нужно сделать то, что делали до него во все предыдущие века – нужно сделать революцию... Нужно с оружием в руках бороться за свои права свободного человека... Нужно отобрать у богатых их богатство и разделить среди обездоленных и нищих.

Наверное, Газиф Букмассо стал бы великим революционером, а может быть – большим политиком, но однажды во время очередной студенческой гулянки, поспорив с одним своим однокурсником о будущем угнетаемой Африки, он выхватил из кармана нож, кривой ритуальный нож колдуна, с которым он никогда не расставался, и...

Пролилась кровь...

Раненым оказался единственный сын вождя племени, в котором еще бытовали и сохранялись древние обычаи и ритуалы. Истекая кровью, сын вождя племени пригрозил Газифу:

– Ты скоро умрешь. Мое племя отомстит тебе за меня. Твой скальп, твой высушенный скальп будет висеть у всех на виду, на высоком стволе пальмы, и каждое утро жители моего племени будут приходить к твоему скальпу и плевать на него.

Газиф понимал, что слова сына вождя дикого племени были не просто пустыми словами, а реальной угрозой. Если за деньги можно еще было откупиться от полиции, то от страшных угроз раненого сына вождя никак нельзя было отмазаться.

На этом его учеба закончилась. Он повторил судьбу многих революционеров, которые бросали свои университеты, чтобы полностью посвятить себя кровавому делу революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.